

Доктор Граз

КОМСОМОЛКА

КАСПИЙСКИЙ УЗЕЛ

КНИГА I: НАЧАЛО ЭПОХИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Доктор Граз

**Каспийский Узел Книга
I: "Начало Эпохи"**

«Автор»

2026

Граз Д.

Каспийский Узел Книга I: "Начало Эпохи" / Д. Граз — «Автор», 2026

Артакум, 1993 год. Город на Каспии, который задыхается в дыму заводов и криминальных разборок. Старые законы не работают, новые ещё не родились. Аслан Шахвердиев вернулся из Анголы. Он был дипломатом. Знал три языка. Но в «Комсомолке» это не имеет значения. Когда его двоюродный брат, только что освободившийся из тюрьмы, предлагает встретиться с криминальным авторитетом, Аслан понимает: выхода нет. Он делает шаг в тень. Этот шаг станет точкой невозврата. «Каспийский узел. Книга I: Начало эпохи» — не романтика лихих девяностых. Это история о том, как рушились империи и рождались новые порядки. О том, как вчерашние дипломаты оказывались по ту сторону закона.

© Граз Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1: "Возвращение"	6
Глава 2: "Оазис"	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Доктор Граз

Каспийский Узел Книга I: "Начало Эпохи"

Дисклеймер

Книга предназначена для читателей старше 18 лет.

Данное произведение содержит сцены насилия, жестокости, убийств, пыток, а также откровенные сцены сексуального характера. В книге демонстрируются употребление табачных изделий, алкогольных напитков и наркотических веществ. Автор не пропагандирует и не одобряет перечисленные действия. Все сцены являются частью художественного замысла и служат для создания достоверной атмосферы описываемой эпохи.

Внимание: Употребление табака, алкоголя и наркотиков вредит вашему здоровью.

Это роман о девяностых. О времени, когда рушились империи, рождались новые порядки, а люди учились выживать в мире, где законы писались кровью.

Все события, персонажи и организации, описанные в этой книге, являются вымышленными. Город Артакум — это собирательный образ прикаспийских городов, чья судьба в 90-е годы была схожей. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мёртвыми, а также с реальными событиями является случайным совпадением.

Эта книга не прославляет криминал. Она показывает его изнанку: страх, боль, предательство, цену ошибок и ту цену, которую платят люди, сделавшие неправильный выбор.

Если вы ищете романтику «лихих девяностых» — эта книга не для вас. Если вы готовы заглянуть в ту эпоху без прикрас — добро пожаловать в Артакум.

Доктор Граз

Глава 1: "Возвращение"

Артакум, 1993 год.

Аслан Шахвердиев вернулся из Анголы полгода назад.

Он родился в Артакуме — городе на берегу Каспия, вытянувшимся вдоль моря на десятки километров. В центре, у порта, пахло рыбой и соляной водой, по выходным гудели корабли, а с набережной было видно, как вдалеке тают нефтяные вышки. Там прошло его детство: хорошая квартира, школа с английским уклоном, вечера во дворе, где мальчишки гоняли мяч и слушали западные кассеты. Тогда он не знал, что такое «Комсомолка». Тогда он думал, что жизнь будет справедливой.

Теперь он жил на другом конце города. «Комсомольский» район прилепился к окраине, у самого выезда на степные тракты, где асфальт кончался и начиналась пыль. Отсюда до центра было полчаса на трясущемся автобусе — через весь Артакум, мимо железнодорожного вокзала, мимо промышленных зон, мимо новых рынков и старых облупленных пятиэтажек. Мимо жизни, которая у него была и которую он потерял.

Артакум жил своей жизнью — умирал и возрождался одновременно. На центральных проспектах торговали с лотков джинсами и жвачкой, в подворотнях резались в домино старики, на пляжах Каспия дымили шашлыки. Но Аслан видел только «Комсомольский» — окраину, куда сослала его судьба. И сам себя чувствовал ссыльным.

Когда-то он был дипломатом. Младший сотрудник посольства, командировки, приёмы, разговоры на трёх языках. Ему казалось, что жизнь только начинается. Что он выбрал правильный путь. Что честная работа приведёт к честной жизни.

Он ошибался.

Теперь он лежал на продавленной кровати в доме матери и смотрел в потолок. За окном дымили трубы металлургического завода. Район назывался «Комсомольский», но местные звали его просто «Комсомолка» — место, где каждый пятый сидел, каждый третий воровал, а каждый первый знал, что завтра будет так же хреново, как сегодня.

Отец уехал в конце восьмидесятых — сначала в Югославию, потом, говорили, в Израиль. Письма приходили реже, потом исчезли совсем. Мать продала квартиру в центре, потом дачу с собственной канализацией и яблонями. Теперь они ютились в старом бабушкином доме на улице Металлургов, где потолки были низкими, буржуйка чадила, а соседи пили пиво прямо на лавочках с утра.

Телевизор в углу бормотал «Поле Чудес». Якубович улыбался, барабан крутился, зрители хлопали. Аслан смотрел на экран и не видел ничего. Там была другая жизнь. Счастливая. Сытая. Та, в которой он когда-то жил.

Он не сразу заметил, что в дверь стучат.

Коротко, уверенно, требовательно — не так, как стучатся случайные прохожие или соседи по забытому делу. В «Комсомолке» так стучали только свои. Или те, кто собирался стать своими.

Мать Камила выглянула из кухни, вытирая руки о фартук. В её глазах мелькнула тревога — та самая, которую он научился узнавать за последние полгода. Она появлялась каждый раз, когда в дверь стучали, когда звонил телефон, когда он задерживался допоздна. Она знала. Женщины в «Комсомолке» всегда знают.

— Кого там принесло? — пробормотала она себе под нос и пошла открывать.

Аслан остался на кровати. С кем бы мать ни говорила — не его дело. В этом доме он давно перестал быть хозяином. Он был гостем, который задержался. Сосланным сюда судьбой, как и его мать.

Но через минуту она позвала:

— Аслан! Выйди!

Голос её дрогнул. Он знал этот тон — она боялась, но старалась не показывать. Он сполз с кровати, сунул ноги в стоптанные тапочки и вышел в прихожую.

На пороге стоял Ариф.

Кузен. Тот самый, с которым они бегали по двору в детстве. Которого он не видел несколько лет. Который, по слухам, сел за драку и только что вернулся.

Ариф изменился. Он был шире в плечах, жёстче лицом. Под левым глазом — бледный след от старого синяка, который уже не сойдёт никогда. Пальцы в ссадинах — руки, которые помнили не только перчатки. Взгляд тяжёлый, прищуренный. Так смотрят люди, которые знают: мир несправедлив, и это надо принимать.

— Салам, — сказал Ариф.

— Салам, — ответил Аслан.

Они обнялись. Крепко, по-мужски. Мать, стоявшая рядом, всхлипнула, уткнувшись в фартук, но тут же взяла себя в руки. Она выросла в «Комсомолке» и знала: мужчины не плачут при чужих.

— Арифчик? — голос её дрогнул. — Проходи, не стой! Я сейчас на стол накрою.

— Я на минутку, тётя Кама, — Ариф мягко отстранился, оглядывая маленькую прихожую. — Вы как?

Камила махнула рукой.

— Да не спрашивай... проходи в комнату. Аслан, покажи ему свою комнату.

Аслан кивнул. Они прошли в тесную комнату с облезлыми обоями и постером Виктора Цоя на стене. Пластика «Группа крови» лежала на подоконнике — пыльная, потёртая. Аслан купил её ещё до Анголы, в Москве. Сейчас она казалась артефактом из другой жизни.

— Ничего не изменилось, — сказал Ариф, садясь на табурет. Табурет скрипнул под его весом.

— А чему тут меняться? — Аслан опустился на край кровати. — Рассказывай.

— Что рассказывать? — Ариф усмехнулся, но усмешка вышла кривой, как шрам на его лице. — Бил морду — посадили. Отсидел — выпустили. Мать плакала.

— А дальше?

Ариф помолчал, глядя в окно на заводские трубы. Дым поднимался ровно, как дыхание спящего зверя.

— А дальше будем жить.

На кухне мать уже гремела посудой. Камила достала из дальнего угла картонную коробку с гуманитарной помощью — ту самую, которую берегла на чёрный день. Они не трогали её даже когда кончались деньги. Она была талисманом — напоминанием, что есть хоть что-то.

Внутри лежали сухие галеты, банка сосисок в мутном рассоле, пачка китайского чая и маленькая баночка растворимого кофе. Всё это пахло чужой страной, чужой жизнью, которая должна была начаться, но не началась.

— Чем богаты, тем и рады, — сказала она, вытирая руки.

Картошка была начищена и нарезана толстыми ломтями. Сосиски из банки отправились на сковороду следом. А из погреба Камила достала банки с квашеной капустой, солёными огурцами и маринованными помидорами — теми самыми, что краснели в стекле, как маленькие праздничные фонарики. Она берегла их для особых дней. Сегодня был такой день.

И, наконец, последний козырь. Из-под половицы — бутылка самогона из шелковицы. Сладковатый, с фруктовым послевкусием и такой крепкий, что после первой стопки в горле разливалось приятное тепло. Аслан помнил этот самогон с детства — бабушка ставила его каждый год, и запах шелковицы всегда возвращал его в прошлое. В то прошлое, где всё было просто.

— Садитесь, мальчики.

Они сели за маленький стол втроём. Мать, Аслан, Ариф.
Камила подняла первую стопку.

— За встречу, Арифчик. Чтобы горе обходило стороной.

Выпили. Ариф поморщился — самогон ударил в голову быстрее, чем он ожидал. Аслан видел, как брат привыкает к свободе после зоны. Там не пили такого. Там пили баланду.

За столом он рассказывал. Про жизнь за решёткой. Про камеры, где на тридцать мест набивается по пятьдесят. Про баланду, про проверки. Про понятия, которые никто не писал, но нарушать их не решался даже самый отчаянный.

Аслан слушал, кивал. Он читал об этом в книгах. Но одно дело — читать, и совсем другое — сидеть напротив брата и видеть его руки, пальцы с намертво въевшейся татуировкой. «За всё заплачено», — было написано на его костяшках. И Аслан знал, что это не просто слова.

Камила слушала молча. Она выросла в «Комсомольском» и знала тюремную жизнь не понаслышке. В этом районе каждый пятый когда-то сидел. Тюрьма была частью местной географии, таким же привычным элементом, как заводские трубы.

Ариф допил компот, вытер рот тыльной стороной ладони.

— В общем, жить там можно. Человек, такая тварь, ко всему привыкает.

Он произнёс это без злобы, без надрыва — просто констатировал факт. Как говорят о погоде или о том, что завтра снова будет дождь.

Камила опустила глаза. Аслан молча налил себе ещё компота, хотя пить не хотелось.

— А как ты вообще... — начал Аслан и запнулся. — Как ты дошел до жизни такой?

Ариф усмехнулся — той же кривой улыбкой.

— Ладно, расскажу.

Он отодвинул пустую тарелку и выпил стопку самогона даже не произнося тост или чока-ясь.

— Ты же знаешь, я с детства в бокс ушёл. У меня талант был. Сначала секцию в «Комсомолке» прошёл, потом меня заметили, забрали в спорт интернат «Динамо». На «Северном Апшероне», своя база, тренеры серьёзные. Я оттуда почти не вылезал — тренировки, сборы, соревнования.

Аслан слушал, не перебивая. Он помнил те годы — Ариф пропадал, появлялся редко, но всегда был в форме, всегда с горящими глазами. Он жил мечтой. У него была цель. У него было будущее.

— Стал лучшим в команде, — продолжал Ариф. — Потом золото на чемпионате региона среди юниоров. Потом чемпионат Кавказа в Ставрополе взял. А потом — серебро на все-союзном в Москве. — Он усмехнулся. — Думал, всё, дорога на Олимпиаду открыта. Сеул, восемьдесят восьмой год... Я тогда парился, как никто.

Он замолчал, глядя в окно на заводские трубы. Дым всё так же поднимался в серое небо.

— Но не поехал.

— Почему? — спросил Аслан.

Ариф усмехнулся, но глаза остались холодными. Он достал сигарету, но не закурил — только покрутил её в пальцах.

— Дед подвёл. Вице-адмирал Сарыев.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями. В кухне стало тихо — даже тиканье часов за стеной будто замерло.

— Он служил на флоте во время войны. Войну прошёл, ордена, уважение. А потом... — Ариф помолчал, подбирая слова. — Потом он ушел вместе с американскими войсками и присягнул армии США. Более того, в пятьдесят втором его базировали в Корею, во время войны. Там он помогал южанам.

Аслан молчал. Он не знал этой истории. Знал только, что Ариф не поехал на Олимпиаду. И что после этого он изменился.

— И КГБ эту историю вытащили аккуратно перед моим отъездом в Сеул, — продолжил Ариф. — Вызвали в штаб, показали бумаги. Сказали: поездка в недружественную страну исключается. Олимпиада — до свидания. Вся жизнь — коту под хвост. Я даже не знал, что дед у меня предатель. А они знали. И ждали момента.

Он замолчал. В кухне было тихо — слышно только, как за стенкой тикают часы. Старые, механические, с кукушкой, которая уже не куковала. Она умерла вместе с надеждой Арифа.

— В общем, я за него ответил, — сказал Ариф тихо. — За его выбор, который он сделал задолго до моего рождения.

— И что с ним сейчас? — спросил Аслан.

— Говорят, в Америке. Живёт, может, уже и умер. Мне всё равно. — Ариф поднял глаза на брата. — Он умер для всех уже давно.

Повисла тишина. Тяжёлая, как бетонная плита. Аслан смотрел на брата и видел не просто «братана, который отсидел». Он видел человека, у которого украли будущее так же, как у него самого. Только у Аслана это сделала страна. У Арифа — собственная семья.

— Тяжело, — сказал Аслан.

— Бывало и легче, — ответил Ариф. — Но я жив. И я не один. — Он посмотрел на Аслана в упор. — А Кемаль не звонил? — спросил он, нарушая затянувшуюся паузу. — Я слышал, что он стал неплохим предпринимателем.

Аслан поморщился. Дядя Кемаль был для него болезненной темой. Человек, который мог помочь, но не помог. Который предпочёл забыть, что у него есть племянник.

— Нет. Я даже не жду.

— Может, позвонишь ему? Дядя всё-таки... Должность у него хорошая, — Камила осторожно вступила в разговор, хотя по голосу было слышно — сама не верит в то, что говорит.

— Я звонил вчера. Не взял трубку. — Аслан отставил кружку. — У него теперь свои интересы. Новая жизнь. Которая не бьётся с нашей.

— А остальные? — Ариф поднял бровь.

— Остальные... — Аслан усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Двоюродные братья, дядя, старые знакомые семьи. Все разучились узнавать меня на улице. Телефонные звонки без ответа. Обещания перезвонить так и остались обещаниями.

Он помолчал, глядя в стену перед собой. На обоях желтели пятна от времени. Где-то там, за стеной, была другая жизнь. Та, где он был дипломатом. Где его уважали. Где он имел вес.

— Мы с матерью остались одни. Весь мир, бляха, ополчился против нас.

Повисла тишина. Слышно было, как за окном лает собака и где-то далеко гудит завод.

Камила вздохнула, поднялась из-за стола.

— Пойду, посмотрю свою передачу, — сказала она. — А вы пока посидите, поговорите.

Она вышла, притворив за собой дверь. На кухне остались только Аслан и Ариф. Тишина стала плотнее, как перед грозой.

Ариф отодвинул пустую кружку и посмотрел на брата в упор. Взгляд его стал тяжёлым, как гиря.

— Слушай. Я тут с одним человеком разговаривал. Он тобой интересуется.

Аслан поднял голову. Внутри что-то кольнуло — не страх, скорее предчувствие.

— Кто?

— Давид Гаджинский. Наш, из «Комсомольского». Ты его должен помнить.

Аслан нахмурился. Фамилия была знакомой, но он не мог сразу вспомнить, откуда. Она всплывала в разговорах, в слухах, в тех обрывках новостей, что доходили до него из прошлой жизни.

— Дипломат? Был такой...

— Был, — кивнул Ариф, понизив голос. — А теперь он здесь главный.

Аслан откинулся на спинку стула. Дерево скрипнуло под его весом.

— Я слышал о нём. Ещё в Анголе. Он тогда уже... — Аслан запнулся, подбирая слово, — ...шустрил.

— Шустрил не шустрил, — Ариф понизил голос почти до шёпота, — а теперь у него всё. Рынок, автобаза, ларьки. И люди. Серьёзные люди.

— И что ему от меня нужно?

— А то, что ты башковитый. — Ариф подался вперёд. — Дипломат, языки, образование. А наша новая бригада, там одни спортсмены вроде меня. Морду набить — пожалуйста, а головой подумать — некому. Никто не идеален.

— Ты предлагаешь мне к нему пойти?

— Я не предлагаю. Он сам тебя зовёт.

Аслан усмехнулся — нервно, одними губами. В голове пронеслась картина: он в костюме, в посольстве, с бокалом в руке. И здесь — он в старом свитере, в доме матери, слушает предложение пойти в бандиты.

— С чего вдруг?

— С того, что время такое. — Ариф развёл руками. — Ты либо лох, либо бандос. Третьего не дано.

Аслан молчал. Где-то в гостиной шумел телевизор. За окном всё так же выла собака. Мир продолжал существовать, не спрашивая его мнения.

— Я не хочу в тюрьму, — сказал он наконец.

— А кто хочет? — Ариф усмехнулся. — Я там был. Ничего хорошего. Но если башкой работать и не лезть на рожон — не сядешь.

— А если сяду?

— Не сядешь. Гаджинский своих не бросает.

Аслан поднял глаза на брата. Взгляд Арифа был спокойным, почти равнодушным. Но Аслан чувствовал: за этим спокойствием — давно принятое решение. Ариф уже сделал выбор. Теперь очередь за ним.

— И что я должен делать?

— Пока — ничего. Поговорить. Познакомиться. Он сказал: ты ему нужен как голова. А голову не с мясом рубят.

Аслан помолчал. Потом спросил:

— Где?

— Сегодня. В «Оазисе».

Аслан знал это место. Кооперативный ресторан на границе «Комсомолки» и центра. Туда ходили те, у кого были деньги. Те, кто выжил в новой жизни, а не сдох в старой. Он проходил мимо него сотни раз, но никогда не заходил. Не его уровень.

— А если не пойду?

— Не пойдёшь — не пойдёшь. — Ариф пожал плечами. — Будешь дальше лежать на кровати и смотреть «Поле Чудес». А мать твоя будет считать копейки и бояться каждого звонка в дверь.

Эти слова ударили сильнее, чем любой кулак.

Аслан закрыл глаза на секунду. Вдохнул. Выдохнул. Запах старого дома, гари, маминого супа — всё это было здесь. Всё это было его жизнью. Но он чувствовал, что эта жизнь кончается.

Когда он снова их открыл, в них уже не было сомнений.

— Ладно. Поехали.

Аслан поднялся, одёрнул старый свитер. В нём было жарко, но он не снимал его — нечего было надеть взамен.

— Мам, — крикнул он в сторону кухни, — мы с Арифом выйдем. Ненадолго.

Камила обернулась. Взгляд её скользнул по сыну, по Ариффу, задержалась на лице Аслана — будто хотела что-то спросить, но не решилась.

— Только не поздно, — сказала она. — И чтобы без глупостей.

— Какие глупости, тётя Кама? — Ариф улыбнулся, широко и открыто. — Пройдёмся, воздухом подышим.

Камила кивнула, но взгляд остался тревожным. Она знала. Женщины в «Комсомолке» всегда знают.

Они вышли на улицу. Вечерний воздух «Комсомолки» ударил в лицо смесью заводской гари, сырости и сладковатой гнили из ближайшей помойки. Аслан глубоко вдохнул — за полгода он привык к этому запаху. Он уже не замечал его. Но сегодня он чувствовал его острее, чем когда-либо. Как прощание.

— Пошли, — коротко бросил Ариф и зашагал вперёд, не оглядываясь.

Они двинулись через дворы. Мимо ржавых качелей и пустых песочниц. Мимо компаний молодёжи, что курила у подъездов, провожая их цепкими взглядами. Ариф кивал некоторым — своим. Аслан же старался не смотреть по сторонам.

Свернули в гаражный кооператив — лабиринт железных коробок, покрытых граффити и копотью. Здесь пахло бензином, машинным маслом и старыми тряпками. Ариф уверенно вёл между рядов, пока они не остановились перед одним из гаражей, ничем внешне не отличавшимся от сотен других. Ржавые ворота, облупившаяся краска, замок с навесным крючком.

— Пришли, — сказал Ариф и достал ключи.

Аслан замер.

Ариф вставил ключ в замок, провернул, дёрнул щеколду. Жалюзи гаража поползли вверх с протяжным металлическим скрежетом. Звук разнёсся по пустому кооперативу, как выстрел.

Внутри было темно. Пахло бензином, машинным маслом и ещё чем-то новым, дорогим, неуместным здесь. Запах свежей краски, пластика, полированного металла.

Ариф шагнул внутрь и щёлкнул выключателем. Тусклая лампочка под потолком замигала, ожила и выхватила из темноты белый кузов.

Аслан почувствовал, как земля уходит из-под ног.

В центре гаража, поблёскивая свежей, ещё ни разу не тронутой пылью краской, стоял новенький ВАЗ 2109. Белая «девятка». С иголочки. Тонированные стёкла, свежие бамперы, ни царапины. Она стояла здесь, среди грязи и ржавчины, как космический корабль в мусорной куче.

В «Комсомолке» такие машины не стояли. В «Комсомолке» люди ездили на ржавых «шестёрках» и «Москвичах», которые заводили с толкача и чинили на коленке. А здесь — новенькая, будто только с конвейера. И стоит в грязном гараже у человека, который вчера освободился из колонии.

Аслан перевёл взгляд на Арифа. Тот стоял, прислонившись плечом к косяку, и наблюдал за реакцией брата с лёгкой, едва заметной улыбкой. Он знал, что делает. Он хотел, чтобы Аслан понял.

— Ну что, дипломат, — сказал Ариф негромко. — Прокатимся?

Аслан открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашёл слов. Ком в горле стал тугим — из чистого, неподдельного изумления.

Он понял окончательно и бесповоротно: это не шутка. Игры кончились. Начиналось что-то новое — тёмное, опасное и такое манящее, что отказаться не было ни малейшей возможности.

— Откуда? — выдохнул он наконец.

Ариф хмыкнул, доставая из кармана связку ключей. Они звякнули в тишине гаража.

— Она не моя. Она наша.

Он открыл водительскую дверь, обернулся. В свете лампы его лицо казалось высеченным из камня.

— Садись. Поехали.

Аслан замер на секунду. Где-то внутри всё кричало: «Стой, не садись, вернись в дом, к матери, к телевизору, к безопасной тоске». Но ноги уже двигались сами. Он чувствовал, как что-то внутри него переключается — как рычаг, который нельзя повернуть обратно.

Он сел на пассажирское сиденье. Кожа скрипнула под ним. Пахло новым пластиком и дешёвым счастьем — запахом, который он не чувствовал с тех пор, как уехал из Москвы. Тогда он думал, что счастье пахнет по-другому. Теперь он знал: оно пахнет именно так. Дешёвым. Доступным. И очень опасным.

Ариф вставил ключ в замок зажигания. Двигатель ожил с пол-оборота — тихо, ровно, без кашля и надрыва. Не как у старых машин, которые он знал.

Из динамиков заиграл Рик Джеймс. «Ghetto Life». Басы разлились по салону, заставляя дребезжать зеркала заднего вида. Аслан узнал эту песню — он слышал её в Анголе, на вечеринках у иностранных журналистов. Тогда она казалась ему музыкой другого мира. Теперь она звучала здесь, в гараже «Комсомолки».

— Погнали.

Машина вырулила из гаража. В зеркале заднего вида двор, забор, улица Metallургов, дом, где осталась мать, — становились всё меньше. Она смотрела им вслед с крыльца, прижимая руки к груди. Аслан видел её в зеркало, но не обернулся.

Аслан смотрел в окно и чувствовал: это не просто поездка. Это черта. Обратной дороги не будет.

Но он ничего не мог с собой поделать.

Впервые за полгода он не хотел назад.

Глава 2: "Оазис"

«Оазис» находился в более цивилизованной части «Комсомолки». Обычное здание, облицованное дешёвым пластиком, с зеркальными окнами и яркой неоновой вывеской, которая мерцала, как больной зуб. Оттуда доносились музыка, звон посуды, женские голоса. Жизнь. Та, которую Аслан не чувствовал уже полгода.

Ариф припарковал «девятку», заглушил двигатель. Рик Джеймс умолк на полуслове. Тишина навалилась сразу — после басов и вибрации она казалась почти осязаемой.

— Ну как тебе? — спросил Ариф, поворачиваясь к брату. В голосе его звучала гордость. Он вёл сюда своего брата, как в храм.

Аслан смотрел на стоянку перед рестораном. Ряды машин — таких, каких он не видел на улицах Артакума последние полгода. Прокачанные «девятки» на низкой посадке, с широкими колёсами и тонировкой «в ноль». «Шестёрки» и «семёрки», сверкающие никелем и хромом. А между ними — иномарки. Потрёпанные «Мерседесы» в кузовах W123 и W124, огромные американские седаны с кожаными салонами, которые в другом месте сочли бы металлоломом. Но здесь, в «Комсомолке», они были роскошью. Товаром узкого спроса. Предметом вожделения.

Аслан вспомнил, как в детстве стоял у витрины магазина и смотрел на игрушечную машинку, которую не мог купить. Теперь он смотрел на настоящие. И понимал, что они так же недостижимы. Пока что.

— «Оазис», — прочитал Аслан вслух. Название висело над входом, подсвеченное неонами.

— Место, где сбываются мечты, — усмехнулся Ариф, выходя из машины. — Пошли. Там тебя ждут.

Он не обернулся. Пошёл вперёд, уверенно, как хозяин. Аслан на секунду задержался у машины, глядя на своё отражение в зеркальном стекле. Старый свитер, небритое лицо, усталые глаза. Он не был похож на человека, который входит в «Оазис». Он был похож на того, кто стоит снаружи и смотрит внутрь.

Он выдохнул и шагнул следом.

Внутри было шумно, накурено. Пахло жареным мясом, дешёвыми духами и сладковато-приторным дымом — смесь, которая въедалась в одежду и оставалась на коже. Неяркий свет бра на стенах, зеркала в золочёных рамах, пластиковые пальмы в углах — всё здесь кричало о попытке создать роскошь. Но роскошь эта была дешёвой, театральной, как бутафория в провинциальном театре. Аслан видел такие заведения в Анголе. Там они тоже пытались казаться тем, чем не были.

Их встретила администратор. Девушка в строгом наряде — чёрная юбка, белая блузка, уложенные волосы. Она окинула их быстрым, профессиональным взглядом. На секунду её взгляд задержался на Аслане — на его свитере, на стоптанных туфлях. Оценка была мгновенной: «не клиент».

— Свободных столиков нет, — отчеканила она. Голос был ледяным, как утренний Каспий.

Ариф шагнул ближе к стойке, чуть наклонился. Никакой агрессии. Просто спокойная уверенность человека, который знает, что его пропустят.

— Мы к Давиду Мусаевичу.

Эффект оказался мгновенным. Лицо девушки переменилось — лёд сменился испуганной почтительностью. Администраторша сглотнула, поправила воротник, будто он мог её защитить.

— Ах, простите... — зачастила она. — Я сейчас. Давид Мусаевич вас ждёт. Простите, я не знала...

Она не договорила. Просто махнула рукой, приглашая следовать за ней.

Она провела их мимо общего зала. Аслан краем глаза видел столики, за которыми сидели люди. Кто-то смеялся, кто-то пил, кто-то смотрел на них с любопытством. Взгляды были разными. Кто-то узнавал Арифа, кто-то оценивал Аслана. Он чувствовал эти взгляды кожей.

Остановились у неприметной двери в конце коридора. Дверь была обита кожей, без таблички, без номера. Вход в другой мир.

— Проходите.

Аслан глубоко вздохнул. Сердце колотилось, как у загнанного зверя. Он вспомнил, как входил в кабинет посла в Анголе. Тогда он был уверен в себе. Теперь он чувствовал себя мальчишкой, который пришёл просить работу.

Ариф шагнул первым. Аслан — за ним.

За дверью оказался просторный кабинет. Мягкий свет, кожаные диваны, массивный стол из тёмного дерева. Запах дорогого табака и чего-то сладковатого — может быть, коньяка. В углу стоял бар с хрустальными бутылками. На стенах висели картины — не репродукции, а настоящие, в тяжёлых рамах.

Гаджинский сидел в центре, на главном месте. Лет пятидесяти, в малиновом пиджаке и белоснежной рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей. На толстой шее поблёскивала золотая цепь. Пальцы унизаны перстнями. Он выглядел как король, который принимает просителей. Но в глазах его было что-то другое. Что-то, что Аслан узнал сразу.

Гаджинский не изменился. Только стал богаче.

Его лицо выражало лёгкое, чуть насмешливое спокойствие. Глаза смотрели цепко, поверх бокала с виски. Он изучал Аслана так, будто видел его впервые. Хотя они знали друг друга.

— Проходи, не стесняйся, — сказал он, глядя прямо на Аслана. — Мы тебя заждались.

Голос был таким же, как в Анголе. Спокойный, чуть хриловатый, с лёгкой южной интонацией. Он мог говорить о погоде и о смерти одинаковым тоном.

Аслан узнал его. Не по малиновому пиджаку и не по золотой цепи — по глазам. Тем же самым глазам, которые смотрели на него сквозь африканскую духоту и кондиционированный воздух посольских кабинетов много лет назад. Тогда они были коллегами. Теперь Гаджинский был здесь главным.

Давид Мусаевич Гаджинский. Тот самый. Бывший атташе в ангольском посольстве. Коллега, можно сказать.

Только судьба развела их по разные стороны.

Ариф легонько подтолкнул Аслана в спину. Тот сделал шаг, потом второй. Опустился на диван, чувствуя, как мягкая кожа принимает его вес. Диван был дорогим. Такие Аслан видел только в посольствах.

— Узнал? — спросил Гаджинский. В голосе его звучала лёгкая усмешка.

— Узнал, — ответил Аслан. Голос его был ровным, хотя внутри всё дрожало. — Мой учитель. Досконально изучивший Африканский континент.

Гаджинский хмыкнул. В этом хмыканье смешались удовольствие и лёгкая насмешка над самим собой. Он помнил те дни. Он помнил, каким был Аслан тогда — молодым, уверенным, с блеском в глазах.

— Вижу, память у тебя хорошая. — Он плеснул виски в чистую рюмку, стоящую перед Асланом, сдвинул её ближе. — Выпей. Это поможет тебе расслабиться.

Аслан взял рюмку. Гранёные грани охладили пальцы. Он посмотрел на янтарную жидкость, потом на Гаджинского.

— За тебя, — сказал он и выпил одним глотком.

Виски обжёг горло, раскатился по пищеводу тёплой волной. Настоящий, с выдержкой. Не тот палёный, что продавали в ларьках. Аслан не пил такого с Москвы. Он почувствовал, как напряжение начинает отпускать. Только на каплю. Но этого хватило, чтобы выпрямить спину.

— Если у меня ещё остались связи в дипломатических кругах, — Гаджинский понизил голос, будто делился секретом, — они добывают мне его напрямую из Duty Free. Я не пью ту дрянь, что продают в наших магазинах. И тебе не советую.

Аслан кивнул. Поставил пустую рюмку на стол. Рука его не дрожала. Хотя внутри всё сжималось.

— Ариф сказал тебе, кто я теперь? — спросил Гаджинский.

— Догадался, — ответил Аслан.

— И ты не сбежал? Не побрезговал сесть за один стол с тем, кто... связался не с той публикой?

Аслан посмотрел на него. Прямо. Без страха.

— Мой учитель, — повторил он, глядя прямо в глаза. — Я здесь не из страха и не из корысти. Я здесь, потому что у меня нет другого выхода.

Гаджинский смотрел на него долгих пять секунд. В кабинете было тихо — только часы тикали на стене да где-то за дверью доносилась приглушённая музыка. Потом уголки его губ дрогнули.

— Молодец, — сказал он тихо. — Не разучился говорить красиво. Это пригодится.

Он снова наполнил рюмку Аслана, на этот раз не спрашивая. Жест был почти отеческим. Но Аслан знал: за этой заботой стоял расчёт. Гаджинский не делал ничего просто так.

— А теперь слушай сюда. И запоминай каждое слово.

Гаджинский откинулся на спинку дивана, затянулся сигаретой. Дым поплыл к потолку, смешиваясь с запахом виски и дорогого табака.

— Я знаю твою семью. Отца твоего знаю. После его отъезда тебе пришлось не сладко. — Он выпустил дым в потолок. — Я готов тебе помочь выбраться из бедности. Если ты готов работать не покладая рук.

— Что нужно делать? — спросил Аслан прямо. Без обиняков. Без игр.

Гаджинский оценил прямоту. Кивнул, будто подтверждая свои мысли.

— Работа несложная. У меня есть новая бригада. Спортсмены в основном. Морду набить — могут, а головой подумать — некому. — Он сделал паузу. — Я долго искал того, кто сможет её возглавить. Кого-то с головой, с умением думать, просчитывать наперёд.

Аслан слушал, не перебивая. В голове проносились мысли. Он вспоминал, как в Анголе Гаджинский уже был тем, кто умел просчитывать. Он знал, когда улыбнуться, когда промолчать, когда ударить. Он был дипломатом до мозга костей. И он перешёл на другую сторону. Теперь он предлагал Аслану сделать то же самое.

— Ты подходишь, — закончил Гаджинский. — Ариф будет рядом. Орудж — тоже. Приглядят, помогут. Но отвечать — будешь ты.

— За что отвечать?

— За порядок. За деньги. Чтобы пацаны в тюрьму не залетели и беспредела не развели. — Гаджинский наклонился вперёд. — Беспредел — это убытки. А убытки я не люблю.

Аслан молчал. Внутри всё сжалось. Голова, руководитель, старший над Арифом и остальными. Ответственность, которая может убить, если ошибёшься. Он вспомнил, как в посольстве отвечал за документы. Это было другое. Это было про бумаги. Здесь речь шла о жизни.

Но когда ему в последний раз предлагали работу? Когда предлагали что-то, кроме грузки ящиков и мытья машин? Он вспомнил мать, которая считала копейки. Вспомнил дом, где буржуйка чадила. Вспомнил, как полгода назад он вернулся из Анголы с пустыми руками и пустым сердцем.

— Ну, я готов, — сказал он. — Главное, чтобы платили.

Гаджинский усмехнулся. В этом смехе не было насмешки. Было одобрение.

— Об этом не беспокойся. — Он отмахнулся, как от чего-то незначительного. — Мы с тобой чуть позже поговорим об этом подробно. А пока — не будем портить вечер деловыми разговорами.

Он поднял свой бокал. В свете лампы виски казался янтарным.

— Лучше выпей. Расслабься. Посмотри, как веселится молодёжь.

Аслан поднял рюмку. Чокнулся с бокалом Гаджинского. Стекло звякнуло — тонко, прозрачно. И в этом звоне ему почудился звук захлопывающейся клетки.

Или открывающейся двери.

Он выпил.

После разговора Гаджинский коротко кивнул Ариффу:

— Забирай его. Отвечаешь за то, чтобы у твоего брата сегодня состоялся лучший вечер в его жизни.

Ариф кивнул, положил руку на плечо Аслану.

— Пойдём.

Они вышли из кабинета. За дверью снова загрела музыка, запахло дымом и жареным мясом. Жизнь продолжалась. Но Аслан чувствовал, что она уже не будет прежней.

— Ну что? — спросил Ариф, когда они отошли подальше. — Как он тебе?

— Странно, — признался Аслан. — Он такой же, как в Анголе. И совсем другой.

— Привыкнешь. — Ариф хлопнул его по плечу. — Пошли, познакомлю тебя с пацанами.

И с девушками заодно.

Аслан усмехнулся. Впервые за вечер улыбка вышла почти настоящей.

— С девушками — это обязательно?

— А ты как думал? — Ариф подмигнул. — Ты теперь не просто Аслан. Ты — новый человек Гаджинского. Девушки это чувствуют.

Они шагнули в полумрак зала, где гремела музыка и кружились десятки тел. Впервые за полгода Аслан чувствовал, что жизнь не кончена. Что есть куда идти. Что есть зачем просыпаться утром.

Но где-то глубоко внутри, на самом дне, пульсировала тревога.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком щедро, чтобы не предполагать ответной платы.

Он знал это. Он был дипломатом. Он знал цену каждому слову, каждому жесту, каждому бокалу виски. И он знал, что Гаджинский не даёт ничего просто так.

Но сейчас, в этом шумном зале, под эту музыку, с этим братом рядом, он позволил себе не думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.